

УДК: 930.1:111.1:101.2

А. В. Гиза

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, ДНР)

E-mail: 19andrey06@mail.ru**К ВОПРОСУ О «ПРАКТИЧЕСКОЙ ИСТИННОСТИ»
СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ**

***Аннотация.** Рассматривается проблема формирования онтологии человеческого мира, имеющей исторически-парадигмальный характер. Отмечается заметное расхождение достигнутой конкретности философской мысли и её практической востребованности в обществе. Это, в свою очередь, ведёт к неизбежной односторонности и неполноте как самой мысли, так и общественной практики. Автор утверждает содержательную исчерпанность существующей парадигмальной основы историко-цивилизационного движения, носящей естественно-природный характер. Выход в гуманистически осмысленное будущее возможен её сменой на парадигму собственно человеческого бытия, понятого в контексте разумной практики.*

***Ключевые слова:** матрица, парадигма, исторический субъект, онтология, прошлое, будущее, философский дискурс, современность.*

Рассмотрение онтологических, т.е. предельно значимых и определяющих особенностей человеческого бытия, предполагает обращение и к мышлению, и к историчности субъекта как форме его подлинности. Проблемы собственно познавательного плана, раскрывающие рациональность в её стихии, не могут быть самодостаточными, т.к. истинность их раскрытия определяется исключительно практической стороной деятельности. Вне практики, имеющей не только внешний, предметный аспект, но и обязательное внутреннее, морально-духовное содержание и направленность, философская теоретизация легко вырождается в ненужное умствование. С другой стороны, и сама практика, не прошедшая через просветляющее действие взвешенного мышления, становится не более чем мещанским бытопроживанием.

Вопросы философского дискурса могут иметь троякий вид. Первое, это вопросы без однозначного ответа, «вечные вопросы» о смысле, ничто, бытии, первичности, человеке как таковом. Методология логического позитивизма рекомендует их избегать как неверно поставленные и в целом неосмысленные. Но они выражают содержательность самого общего плана, которая должна быть включена в практику любых концептуальных рассуждений и констатаций как необходимые граничные условия, обеспечивающие саму возможность конкретности и продуктивности мысли.

Второй круг составляют риторические вопросы о добре и зле, истинном и ложном, насущном и второстепенном, возвышенном и низменном. Это область религиозно-мифологических, а в Новое время – идеологических решений относительно выбора легитимного и ведущего типа социально и личностно ориентированных поступков и утверждений. Здесь мы встречаемся с мировоззренческой проблематикой, реализующей некие протокольные, т.е. изначальные факты, образующие канонический мир достоверно сущего.

Третий вид вопросов отличается от предыдущих тем, что это не вопросы как таковые, а развернутая и актуализированная специфика мыслительной деятельно-

сти, реализованная в виде стилистически и терминологически выработанной текстуальной оформленности. Она демонстрирует уровень осознанности субъекта мысли и полностью выражает степень достигнутого понимания сущего. Здесь возникает широкое поле для понятийно-семантических злоупотреблений и манипуляций, суггестий и символических трансформаций.

Мы должны представлять эту структурированность философских вопросов, чтобы уметь направлять собственную разъясняющую работу по правильному понятийному выставлению и выявлению сущего в направлении достижения его истинностных параметров.

Мы хотим и должны поставить предельный вопрос о человеке в противовес прежним вопросам о бытии и сущем. Необходимо говорить и размышлять не о бытии вообще, а о бытии человека, а необходимая общность такого рассуждения достигается как раз преодолением текущих ограниченных исторических рамок существования отдельного индивида.

Бытие человека давно движется в исторических формах социальности, что подразумевает принципиальную раскрытость этого бытия. Готовность трансценденции, однако, не ведет к её обязательной актуализации, она только возможна как шанс для продвижения в будущее. Высокие смыслы уже приурочены работой культуросозидающего логоса, они бесстрастно ждут субъекта действительного, реализующего подлинно человеческое действие.

Задача человека, как в личностном, так и в общественно-политическом планах заключается ныне в действенном опредмечивании тех духовных высот и глубоких пониманий, которые пока что остаются под гнетом мирового мещанского равнодушия и корыстных интересов в состоянии только мыслимого бытия.

При всем видимом разнообразии бывших и существующих форм социального устройства, при часто декларируемой вариативности мирового исторического процесса, остаётся общий оценивающий знаменатель, расставляющий приоритетность целей, мотивов, характер их исполнения, дающий соотнесённость с общей истинностью человеческого бытия неизменно, внятно и принципиально. Назовём этот знаменатель одним словом – свобода. В ней заключена искомая онтология исторического субъекта.

Возможна ли свобода, когда предполагаемый субъект выступает в роли манипулируемого объекта детерминирующего приложения внешних сил? Когда он сам овеществляется и становится товаром, предметом, орудием, а его труд используется для обогащения другого? Разумеется, в такой ситуации возможны только разговоры о свободе, мечтания о лучшей жизни, надежды и упования, а в лучшем случае – подготовка восстания против рабовладельцев, как бы они ни назывались. Однако, меняя строй, можно остаться в пределах хотя и модифицированной, но по сути прежней системы властных отношений. Так дело и происходило до октября 1917 года. Для исчерпывающей характеристики сущностного основания всего предшествующего (а теперь и настоящего) периода надо знать и помнить слова Ленина: «Всё, не только земля, но и человеческий труд, и человеческая личность, и совесть, и любовь, и наука, - всё неизбежно становится продажным, пока держится власть капитала» [1, с. 159]. Власть капитала выражает одну безусловную свободу – возможность ничтожной части населения жесточайшим образом эксплуатировать всех остальных в лично-корпоративных интересах, в случае необходимости – попросту утилизировать массы людей, нисколько не затрудняясь вопросами совести, добра, бескорыстной помощи, справедливости, искренности и смысла.

Первая парадигма исторического движения, реализующая фактор растущего отчуждения, формируется на основе природного мира, несёт на себе «родимые пятна» происхождения человека и составляет изначальную архетипически-бессознательную матрицу мироощущения архаического человека. Она остаётся в действии и по сей день, внося неустранимый элемент архаики в действительность XXI века. Хищническая, социал-дарвинистская матрица архетипической агрессивности служит основанием не только моральной легитимации всех войн и насилия как таковых, но, вдобавок, создаёт и держит в устойчивости семантико-символическое, культурное пространство соответствующего исторического субъекта, проектирует его истинность и смысл. Она подчиняет сознание, насыщая его смыслоподобными структурами, псевдогуманистическими шаблонами, чисто эгоистическими ориентациям, мотивами и целеполаганием. Её способ действия заключается в последовательном расчеловечивании цивилизационно-культурных оппонентов как «низшей расы».

Философским, обобщающе-личностным языком, Хайдеггер описывает такое положение как результат *блуждания исторического человека*. «Путь блужданий, - говорит он, - увлекает человека, окутывая его ложью. Окутывая человека ложью, заблуждение, однако, в то же время создает возможность... не поддаваться заблуждению...» [2, с. 24].

Альтернативой отношениям эксплуатации и частной собственности с их жестокосердными моральными инвективами, суммарно выраженными А. Зиновьевым в типе западоида, является противоположное отношение онтологической, т.е. истинной открытости и отзывчивости, составляющее основной компонент человеческого бытия и ведущее к его подлинной осмысленности, где всякая имитация получит соответствующее понимание как некая театральная постановка и условность.

Возвращаясь к трём формам философствования, выделенным вначале, становится ясна необходимость продолжения познавательных усилий по конкретизации «основных вопросов и ответов», задающих предельную смысловую канву всем нашим пониманиям и подразумеваниям. В связи с этим вновь актуально звучит 11-й тезис Маркса о Фейербахе. Философия уходит от выполнения своего онтологического долга, увлекаясь теоретизированием, где её поджидают опасности пустого схоластического умствования, где угасает живой дух познания, замененный субъективным плетением понятийных кружев.

11-й тезис Маркса о Фейербахе требует определённой модификации. Было бы пустой догматикой сослаться на него в настоящее время в авторском, изначальном виде в силу его чрезвычайной лаконичности, ведущей и к ненужным возражениям, и к разночтениям. Таковое небрежное возражение, в частности, выдвинул Хайдеггер: «11-й тезис Маркса о Фейербахе? Сегодня одно лишь действие без первоначального истолкования мира не изменит положения в этом мире» [3, с. 147]. От Маркса, говоря по существу, просто отмахиваются, вульгаризируя его позицию на манер неммыслящего обывателя.

Надо признать, что собственно теоретизация присутствует в общественном сознании с избытком, но слишком часто отличается не необходимой методологической строгостью своих положений, а стилистическими украшениями и неудержимым генерированием терминологических обозначений, неоправданно перегружающих текст и не несущих обязательной содержательной нагрузки.

Между тем, гегелевская абсолютная идея, которая «есть тождество теоретической и практической идей, каждая из которых, взятая отдельно, еще односторонняя

и имеет внутри себя самой идею лишь как искомое потустороннее и недостижимую цель...» [4, с. 754], имеет определяющее значение именно в контексте раскрытия должной онтологии человека, а, следовательно, и в намечании путей преодоления кризисных и тупиковых явлений современности. Для нас она конструктивно, т.е. практически, интерпретируется как раскрывающиеся смыслы бытия, обозначающие раскрытость собственно будущего [5]. Философия имеет здесь не только определяющий голос, но находит собственно существование и оправдание своих изысканий. Гегель так и обозначает: «...лишь абсолютная идея есть *бытие*, непреходящая *жизнь*, *знающая себя истина* и *вся истина*» [4, с. 754].

Новая онтология исторического субъекта трактуется философией в форме разумной практики. Разумность же, в свою очередь, первым характерным ориентиром и показателем представлена вполне фиксируемой развёрнутой характеристикой. К ней относятся наличие самокритики субъекта, внутренняя дисциплина, гуманистическая направленность, выверенная рациональность, немеркантильность и элементарная логическая последовательность. Проверка этими качествами позволяет диагностировать не только личностные действия, но также общественные и государственные деяния, дать должную оценку различным идеологиям и философским рассуждениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе // ПСС, т. 15. С.127-160.
2. Хайдеггер М. О сущности истины / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 8-27.
3. Беседа с Хайдеггером / М. Хайдеггер / Разговор на проселочной дороге. – М. : Высш. шк., 1991. – С 146-158.
4. Гегель. Наука логики. – Спб. : Наука, 1997. – 800 с.
5. Гиза А.В. Истина и смысл как метакатегориальное выражение модусов времени // Філософія. Культура. Життя. – 2014. - Вип. 41. – С. 112-120. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Fkzh_2014_41_13.pdf.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

STUDYING «PRACTICAL TRUTH» OF THE SUBJECT OF HISTORICAL ACT

Annotation. *The article views the problem of the formation of the human's world ontology, which has historically-paradigmatic character. A perceptible discrepancy between achieved concreteness of philosophical thought and its practical relevance for the society is underlined. In its turn, it leads to inevitable one-sidedness and imperfection of both the thought and social practice. The author claims the informative exhaustion of present paradigmatic basis of the historical-civilizational movement which has natural character. An entrance to the humanistically comprehended future is possible under the condition of changing it to the paradigm of actual human being which is understood in the context of reasonable practice.*

Key words: *matrix, paradigm, historical subject, ontology, past, future, philosophical discourse, modernity*

Поступила в редакцию 15 апреля 2017 г.